

Хотя Чэнь Хэянь и заверил, что Чу Сяо просто уснул, Ло Шичжэнь всё равно с предельной осторожностью донёс его до медицинского кабинета. Учителя, разумеется, последовали за ними.

Дежурный врач, который только что вернулся и с упоением смотрел сериал про дворцовые интриги, услышав, что Чу Сяо едва не подвергся аномальной трансформации, побледнел и, поставив сериал на паузу, бросился осматривать пациента.

Школа занимала огромную территорию, и медицинский кабинет был ей под стать — просторный, оснащённый всевозможным оборудованием, которое Ло Шичжэнь видел впервые и которое, судя по виду, стоило целое состояние.

Осмотр завершился быстро. Врач с облегчением выдохнул.

— Удивительно, просто поразительно. Он не только в полном порядке, но и чувствует себя превосходно.

По логике вещей, даже после прерванной трансформации и устранения риска, Чу Сяо должен был какое-то время испытывать слабость из-за перенесённой боли.

Внимание врача тут же переключилось на Ло Шичжэня.

— Молодой человек, подойдите. Это ведь вы его очистили? Вы только недавно пробудились, а уже смогли прервать внутреннюю трансформацию. Это, должно быть, было для вас серьёзной нагрузкой. Давайте-ка я и вас осмотрю.

Ло Шичжэнь почесал затылок.

— Да со мной всё в порядке. Я даже чувствую себя лучше, чем раньше.

Врач настаивал, но Чэнь Хэянь упомянул, что Ло Шичжэнь перешёл на новый уровень, и тот отступил. Раз уж он смог продвинуться, значит, с его телом действительно всё в порядке.

Ло Шичжэнь с тревогой смотрел на Чу Сяо.

— Но как долго он будет спать?

— По-разному, — ответил врач. — Может, семь-восемь часов, а может, и больше двенадцати. Он сейчас как пьяный. Может проснуться посреди ночи от тошноты и головокружения, может

подняться температура.

— Можно дать ему какое-нибудь лекарство? — тут же спросил Ло Шичжэнь. — Чтобы ему стало легче.

Врач покачал головой.

— Его тело сейчас адаптируется к энергии Ци. Лекарства тут бессильны.

Видя неподдельную тревогу на лице юноши, он добавил:

— На самом деле, ничего страшного. Максимум несколько часов дискомфорта. Когда он окончательно проснётся, всё будет в полном порядке.

Врач впервые видел, чтобы кто-то так переживал из-за столь незначительного недомогания. Ученики этой школы были сорвиголовами, не знающими боли. Сегодня один сломает другому руку, завтра другой — рёбра. Пользуясь своей сверхчеловеческой регенерацией, они и не думали обращаться за помощью, хотя медицинский кабинет был всегда к их услугам.

Чу Сяо, разумеется, был одним из них. Для Пробуждённого, который почти круглосуточно страдал от ментальной боли из-за внутреннего загрязнения, лёгкая тошнота и головокружение были сущим пустяком. Он, вероятно, и сам не придавал бы этому значения.

Но Ло Шичжэнь переживал по-настоящему. Он решил остаться и позаботиться о друге.

Пробуждённые, если только они не были без сознания, инстинктивно отвергали чужие прикосновения, поэтому в школьном лазарете не было сиделок. Судя по немногочисленным встречам с Чу Сяо, врачи знали, что он тоже был весьма агрессивен. Они опасались, что Ло Шичжэнь, прикоснувшись к нему, может спровоцировать подсознательную атаку.

В конце концов, Ло Шичжэнь, который к каждому обращался на «вы» и постоянно всех благодарил, был первым таким вежливым учеником за всю их практику. Они прониклись к нему симпатией и даже приготовились в случае чего оттаскивать его от разъярённого Чу Сяо.

Но ничего не произошло.

Это было немного удивительно, но не слишком, ведь именно он и принёс Чу Сяо сюда.

Врачи с чувством, похожим на умиление, — «надо же, и у этого парня есть друзья», — покинули палату.

Ло Шичжэнь, не обращая на них внимания, продолжал заботиться о Чу Сяо.

Тот, едва не подвергшись трансформации, выглядел измученным. Ло Шичжэнь принёс воды, обтёр его тело и передел в удобную хлопковую пижаму.

Он умел заботиться о людях. Когда болела бабушка, весь уход лежал на его плечах. Он был тогда ещё совсем ребёнком, медлительным и нескладным, но трудолюбивым и честным. Если чего-то не знал, вежливо расспрашивал других. Медсёстры в больнице, видя, как мальчик в одиночку ухаживает за старушкой, с готовностью делились с ним премудростями ухода за больными. К тому же, в детстве он не раз выхаживал заболевшего Чу Сяо, так что опыт у него был.

Переодев друга, он открыл окно, чтобы проветрить комнату, и снова принёс горячей воды.

Как и предсказывал врач, Чу Сяо несколько раз просыпался. Ло Шичжэнь, проверив температуру воды, осторожно напоил его и вытер мокрые уголки губ.

Чу Сяо, сделав несколько глотков, снова уснул, и его нахмуренные брови разгладились. Ло Шичжэнь придвинул стул к кровати и стал молча наблюдать за ним.

— Я принесу тебе кровать, поспишь рядом, — предложил врач во время обхода.

Поскольку Пробуждённые не выносили чужого присутствия, все палаты в лазарете были одноместными.

— Спасибо, доктор, не нужно, — покачал головой Ло Шичжэнь. — Я не хочу спать. Посижу, поучу. А вечером сам принесу, если понадобится.

В детстве у Чу Сяо была привычка просыпаться посреди ночи во время болезни. В такие моменты он становился очень требовательным к вниманию, и Ло Шичжэнь, выросший с ним бок о бок, привык быть рядом.

К тому же, ему действительно нужно было навёрстывать упущенное по общеобразовательным предметам.

Медлительная птица должна вылетать раньше. Из-за плохой памяти ему приходилось прикладывать гораздо больше усилий, чем другим, особенно в гуманитарных дисциплинах.

Так он и сидел, заучивая свойства различных аномалий и имена Пробуждённых, и одновременно присматривая за Чу Сяо.

Когда что-то никак не запоминалось, он дотрагивался до друга. Одна одноклассница как-то

сказала ему, что это называется «подзарядиться от гения». Мол, так можно перенять частичку его ауры, и учёба пойдёт легче.

Ло Шичжэнь подозревал, что она просто подшучивает над ним, но, отчаявшись, готов был испробовать любой способ.

К счастью, Чу Сяо не возражал. Иногда, когда Ло Шичжэнь забывал, он сам напоминал ему «подзарядиться».

Мысленно пробормотав «Чу Сяо, помоги мне», Ло Шичжэнь убрал руку с ладони друга и снова углубился в зубрёжку.

Время от времени он проверял, нет ли у Чу Сяо жара, или, заметив, что тот вспотел, обтирал его влажным полотенцем.

Камера видеонаблюдения, установленная в углу палаты, бесстрастно фиксировала происходящее и передавала изображение на монитор в комнате охраны, где за ним наблюдал Суй Ань.

Вообще-то, он следил за тренировкой учеников на стадионе, в озере и в лесу. Монитор с палатой занимал лишь крошечный уголок экрана. Но, возможно, потому, что тренировки казались ему, опытному Хранителю, слишком простыми и обыденными, его взгляд то и дело возвращался к этой мирной сцене.

Линь Ци, стоявший рядом, думал о том же.

— Какое терпение. Неудивительно, что этот Чу Сяо ради него на всё готов. Я бы на его месте тоже растаял.

На мониторе было видно, как Ло Шичжэнь, заметив, что у Чу Сяо жар, раз за разом меняет холодный компресс на его лбу.

Суй Ань откинулся на спинку стула.

— Он просто заботится о друге.

— Чу Сяо так не думает, — усмехнулся Линь Ци.

— А что он думает, неважно, — улыбнулся Суй Ань. — Не смотри, что Ло Шичжэнь кажется таким покладистым. Если он чего-то не захочет, Чу Сяо ничего не сможет с ним сделать.

— У этого мальчика мягкий характер, но стальной стержень. Никто не сможет его сломить. Из него выйдет отличный Хранитель.

Глаза Линь Ци загорелись.

— Так перемани его к нам! У нас как раз есть место для Очистителя!

Суй Ань прищурился и лениво скользнул по нему взглядом.

— Ты так в нём заинтересован?

За то недолгое время, что они были в школе, он уже в третий раз предлагал завербовать Ло Шичжэня.

— Конечно, — без колебаний ответил Линь Ци. — Такой искренний, послушный и талантливый парень. Как он может не нравиться?

— Действительно, — подумав, согласился Суй Ань.

— Так что, берём?

Суй Ань не ответил. Он наклонился к экрану и, включив микрофон, произнёс:

— Зона А4-23, ученик на грани истощения. Прервать тренировку.

На мониторе было видно, как два маленьких древесных эльфа, подлетев к озеру, усердно махая крылышками, вытащили из воды ученика и перенесли его на берег.

— Пора повышать уровень сложности, — указал Суй Ань на изображение леса. — Тебе не кажется, что пора бы тебе быть там?

— Есть! Сейчас буду! — отозвался Линь Ци и тут же добавил: — Так что, капитан? Берём? Это же Очиститель!

— К тому же, такой славный парень. Не поверю, что ты сам его не хочешь!

Суй Ань снова откинулся на спинку стула. Комната охраны была не освещена, и его лицо тонуло в тени, скрывая выражение. Голос его, однако, оставался таким же лениво-растянутым.

— Каким бы хорошим ни был его характер, чтобы стать Хранителем, он должен пройти

тренировку. А чтобы попасть в «Серебряный кокон», он должен показать выдающиеся результаты и поступить по праву.

«Серебряный кокон» — так назывался отряд Суй Аня. На данный момент он занимал первое место в рейтинге отрядов Пробуждённых, со значительным отрывом от второго.

— Но он же Очиститель, — не сдавался Линь Ци. — Его могут взять без экзаменов.

Энергетики, как представители вспомогательного класса, могли быть зачислены в отряд без конкурса. Они становились ядром команды, и все остальные члены отряда оберегали их.

— В других отрядах — возможно. Но «Серебряный кокон» выполняет слишком опасные задания. Как люди, которые в любой момент могут погибнуть, могут гарантировать чью-то безопасность?

Линь Ци замолчал. Все члены «Серебряного кокона» были высокоуровневыми Пробуждёнными с выдающимися способностями, самоуверенными и гордыми. Предлагая взять Ло Шичжэня, он ни на секунду не сомневался, что они смогут его защитить. Без преувеличения, в «Серебряном коконе» была собрана элита Пробуждённых страны Ся. Защитить одного человека для них не составляло труда.

Но эти слова произнёс Суй Ань, их капитан.

— Похоже, нам с Ло Шичжэнем не по пути, — вздохнул Линь Ци.

— Не обязательно, — возразил Суй Ань.

— Втянуть его в опасную команду, пока он не может за себя постоять, — это не забота, а вредительство.

Он бросил пульт на стол.

— Но если он тебе так нравится, тренируй его как следует. Если он выдержит и пройдёт отбор, я подам заявку на его перевод в «Серебряный кокон».

Линь Ци потерял дар речи. Заставить Энергетика из вспомогательного класса пройти отбор в «Серебряный кокон» — это всё равно что прямо сказать, что ему там не место.

— Пойду лучше прослежу за учениками.

— Директор подарил мне бутылку отличного вина и попросил как следует погонять этих

сорванцов, а то они совсем от рук отбились, и он скоро с ума сойдёт.

Линь Ци с тоской взглянул на своего капитана и вышел за дверь. В тот же миг его лицо преобразилось. Черты заострились, взгляд стал суровым и надменным. Даже его походка изменилась — он шагал так, словно до сих пор чувствовал под ногами дымящиеся руины поля боя. И голос его загремел, полный огня и презрения:

— Ты! Медленно! Ты! Не видишь, что эта аномалия ядовита?! Ты! Не можешь даже на час дыхание задержать! И не стыдно тебе с таким высоким рангом! Мне за вас стыдно!

Ученики стиснули зубы. Некоторые бросали на Линь Ци яростные взгляды и с удвоенной силой продолжали тренировку, другие просто игнорировали его.

Чэнь Хэянь с тревогой наблюдал за своими подопечными.

— Раньше в школе придерживались определённой программы. Не слишком ли резко мы подняли планку?

Линь Ци, не выходя из образа, с каменным лицом ответил:

— Не беспокойтесь, мы все через это прошли. У этих ребят отличные данные, они справятся.

Но Чэнь Хэянь всё ещё сомневался.

— Уровень опасности аномалий по всему миру резко возрос, — напомнил Линь Ци. — Не только в вашей, но и во всех пятистах с лишним школах страны повысили сложность тренировок.

— Не переживайте. Все физические показатели учеников были тщательно проанализированы капитаном Суй. Эти тренировки изнурительны, но вреда здоровью не принесут.

— Лучше пусть они сейчас под нашим присмотром до полусмерти вымотаются, чем потом в настоящем бою погибнут от лап аномалии.

Чэнь Хэянь вздохнул. Хотя беспокойство не покидало его, он вынужден был согласиться. В конце концов, Суй Ань и Линь Ци мучили учеников не из садизма, а ради их же блага.

— Вы правы, жизнь дороже. Лучше сейчас помучиться, чем потом страдать от ран.

Не успел он договорить, как Линь Ци злорадно ухмыльнулся.

— К тому же, разве это не весело — гонять учеников? Раньше всегда гоняли меня, а теперь я

сам в роли тренера.

— Учитель Линь, вы вышли из образа, — невозмутимо заметил Чэнь Хэянь.

Линь Ци осёкся. Он тут же стёр с лица улыбку и снова превратился в сурового, беспристрастного и невыносимо заносчивого инструктора.

Сяо Шань впервые в жизни чувствовал себя выжатым как лимон. Он никогда ещё не был в таком плачевном состоянии. Пробегая мимо Линь Ци, он мысленно поклялся, что, когда поднимет свой уровень, обязательно надерёт этому типу задницу.

Впрочем, если раньше он злился на Ло Шичжэня за то, что тот отлынивает от тренировок, чтобы ухаживать за Чу Сяо, то теперь был даже рад. По крайней мере, Ло Шичжэню не придётся так мучиться. Его младший братишка, совершенно не привыкший к нагрузкам, свалился бы уже после первой его тренировки. А если бы он попал в руки Линь Ци, то и вовсе не смог бы подняться.

Сяо Шань совершенно забыл свои недавние тирады о том, что «Пробуждённый не должен бояться трудностей» и «человек должен быть сильным и независимым». В его голове рисовалась лишь одна картина: Ло Шичжэнь, измученный тренировкой, с покрасневшими глазами, беспомощно лежит на земле.

Хотя, конечно, от судьбы не уйдёшь. Сегодня Ло Шичжэнь не тренируется, но рано или поздно ему всё равно придётся через это пройти. Но чем позже, тем лучше.

За спиной снова раздался рёв Линь Ци. Сяо Шань стиснул зубы и побежал ещё быстрее.

К концу занятия эти молодые, гордые и самовлюблённые Пробуждённые, обычно так заботившиеся о своей внешности, были мокрыми от пота и грязи и без сил валялись на земле.

Но, возможно, именно потому, что они были так измотаны, они больше не выказывали обычного недовольства, когда кто-то из одноклассников оказывался слишком близко. В свои семнадцать-девятнадцать лет они, измученные до предела, видели друг в друге уже не соперников, а товарищей по несчастью.

Линь Ци, успешно навлекший на себя всеобщую ненависть, стоял в тени дерева и с невозмутимым видом ел мороженое. Он чувствовал на себе десятки взглядов, полных жгучей ненависти, и испытывал от этого странное удовлетворение.

Однако...

Он представил, как в будущем и Ло Шичжэнь, этот послушный мальчик, будет смотреть на него с такой же ненавистью. Этот тихий, дружелюбный ребёнок, который ко всем относится с

добротой, будет ненавидеть только его одного...

Линь Ци мысленно выругался. Кажется, ему это нравилось ещё больше.

«Извращенец», — обругал он себя.

Но тут же подумал: «Я же Пробуждённый, а для Пробуждённых быть извращенцем — это нормально».

И тогда Линь Ци мысленно извинился перед собой за оскорбление.

Вдалеке Сяо Шань с трудом поднялся на ноги. Он хотел пойти в лазарет, проведать Ло Шичжэня. Вдруг Чу Сяо уже очнулся и наговаривает на него.

Вспомнив недавний разговор, Сяо Шань решил, что у Чу Сяо не все дома. Его младший братишка волен дружить с кем хочет.

И это его «я могу смириться»... С чего он вообще взял, что если он не смирится, Ло Шичжэнь откажется от него, Сяо Шаня?

К нему медленно подошёл Лу Цюцзинь. Он тоже был весь в поту, но даже в таком состоянии умудрялся сохранять аристократическую осанку.

Сяо Шань считал себя человеком справедливым. Только что мысленно обругав Чу Сяо, он теперь с тем же чувством окинул взглядом Лу Цюцзиня и мысленно добавил: «Позёр».

Лу Цюцзинь сделал вид, что не заметил презрительного взгляда, и спокойно спросил:

— Ты ведь натурал?

Сяо Шань, будучи стопроцентным натуралом, счёл этот вопрос оскорбительным.

— Конечно!

Лу Цюцзинь многозначительно посмотрел на него.

— Когда Чу Сяо сказал, что может смириться с тобой, ты промолчал. Я уж подумал, что тебе нравятся мужчины.

Сяо Шань не сразу понял, о чём он. А когда понял, нахмурился.

— Что за чушь ты несёшь? Шичжэнь тоже натурал.

Он говорил это с такой уверенностью, потому что раньше сам заблуждался на его счёт. К тому же, он был свидетелем того, как Ло Шичжэнь просил Чу Сяо стать крёстным для его будущего ребёнка.

Однако, вспомнив об этом, Сяо Шань почувствовал необъяснимую досаду и укол ревности.

«Наверное, потому, что Шичжэнь попросил только Чу Сяо, а меня — нет», — решил он.

Заметив, что лицо Сяо Шаня омрачилось, Лу Цюцзинь мысленно усмехнулся. «И этот человек, который называет его не иначе как “Шичжэнь”, уверяет меня, что он натурал?»

Ло Шичжэнь, может, и натурал, а вот этот — вряд ли.

Впрочем, Чу Сяо был ещё большим психом. Такой гордый и неприступный, а ради какого-то Ло Шичжэня готов унижаться. Лу Цюцзинь никак не мог понять, что творится у него в голове. Он бы на такое не пошёл, даже под страхом смерти.

— Пойдёшь к Ло Шичжэню? Давай вместе.

Что бы он ни думал, на лице Лу Цюцзиня играла безупречная улыбка — привычка, привитая ему родителями с детства.

— Шичжэню не нужен твой визит, — настороженно отрезал Сяо Шань. — Я сам пойду.

— Ты не Ло Шичжэнь, откуда тебе знать?

Лу Цюцзинь пошёл вперёд. Сейчас они оба были измотаны, драться всё равно не смогут, так что и спорить с Сяо Шанем было бессмысленно.

Он обернулся, скрывая тёмный блеск в глазах.

К Ло Шичжэню, похоже, было легко подобраться. Взять хотя бы Сяо Шаня — этот безмозглый качок уже успел завоевать его доверие и получить Очищение.

Лу Цюцзинь планировал действовать медленно, постепенно втираясь в доверие к Ло Шичжэню, чтобы тот очистил его от внутреннего загрязнения. Но за каких-то два дня рядом с ним уже появился Сяо Шань.

А ещё Жун Нянь. Он не мог не заметить, что тот оставил на Ло Шичжэне метку. Если медлить,

кто знает, кто ещё появится на горизонте.

Раньше он думал, что слухи о том, будто Очистители на начальном этапе могут использовать свои способности на тех, кому доверяют, — просто сказки, чтобы обнадёжить их одноклассников. Он был уверен, что это возможно только с возлюбленными.

Оказалось, что в учебниках писали правду.

Лу Цюцзинь прекрасно осознавал свои мотивы. Он с самого начала собирался использовать способности Ло Шичжэня в своих целях. Просто план изменился: вместо того чтобы стать его возлюбленным, он решил стать его другом.

Лу Цюцзинь словно услышал внутренний смех, полный презрения. Да, он, Лу Цюцзинь, — такой же подлый человек, как и его родители, готовый играть на чужих чувствах ради выживания. Он ненавидел их, но в итоге стал таким же, как они.

Однако, чтобы подобраться к Ло Шичжэню, нужно было сначала убрать с дороги тех, кто стоял на его пути.

Лу Цюцзинь спрятал все свои мысли за безупречной улыбкой и как бы невзначай спросил:

— Как думаешь, Ло Шичжэнь ответит на ухаживания Чу Сяо?

Мозг Сяо Шаня завис.

— Что ты сказал?

— Ты разве не видишь? — изобразил удивление Лу Цюцзинь. — Чу Сяо влюблён в Ло Шичжэня.

Сяо Шань об этом даже не задумывался. Он широко раскрыл глаза и инстинктивно возразил:

— Шичжэнь — натурал, ему не нравятся мужчины.

— Он — да, а Чу Сяо — нет, — улыбнулся Лу Цюцзинь.

— Они выросли вместе, их связывает очень крепкая дружба. Если Чу Сяо будет настойчив, Ло Шичжэнь, с его мягким характером, может и уступить.

Слова Лу Цюцзиня заставили Сяо Шаня по-новому взглянуть на странную фразу Чу Сяо. Всё встало на свои места. Да, Ло Шичжэнь говорил, что он натурал, но Чу Сяо такого не говорил.

Голос Лу Цюцзиня звучал как шёпот дьявола:

— К тому же, ты же знаешь, Пробуждённые отталкивают противоположный пол. У них нет времени на личную жизнь — то тренировки, то учёба, то миссии. А Чу Сяо всегда рядом, капля камень точит, верно?

— Ты ведь не так давно пробудился, но наверняка уже слышал об однополых отношениях среди Пробуждённых. А натуралов... можно и переубедить.

Сяо Шань почувствовал укол тревоги. Его свирепое лицо стало ещё более грозным.

Да, натуралов можно переубедить.

И что из себя представляет этот Чу Сяо? Ростом не вышел, мускулов нет, лицо слишком смазливое, а его ледяные способности — не самые мощные. Разве он достоин его младшего братишки-натурала?

Сяо Шань твёрдо решил, что будет зорко следить за Чу Сяо.

Лу Цюцзинь, наблюдая за сменой выражений на его лице, едва заметно улыбнулся.

Когда они вошли в палату, Чу Сяо всё ещё спал. Ло Шичжэнь вышел их встретить.

Увидев Сяо Шаня с пакетом еды и Лу Цюцзиня с красивым цветком в руке, он растерялся.

— Спасибо, что принесли подарки. Но вы уверены, что это всё мне?

— Болен-то Чу Сяо.

— Ты мой младший брат, кому мне ещё носить? — сунул ему в руки пакет Сяо Шань. — Зачем ты вообще здесь сидишь? Он взрослый парень, Пробуждённый, что с ним случится?

Он бросил свирепый взгляд вглубь палаты, подозревая, что Чу Сяо из тех, кто под покровом ночи, прикрываясь болезнью, может залезть в постель к Ло Шичжэню.

— Сегодня я остаюсь, — громко объявил он. — Буду ночевать здесь с тобой.

Лу Цюцзинь тоже подошёл и, улыбаясь, протянул Ло Шичжэню цветок.

— Увидел по дороге, подумал, что он тебе подойдёт. Надеюсь, тебе понравится.

Ло Шичжэнь был польщён таким вниманием.

— Спасибо.

— Я удивлён, — добавил он. — В такое время года ещё цветут цветы?

— Я тоже Элементаль, — улыбнулся Лу Цюцзинь. — Дерево.

— Сегодняшняя тренировка была изнурительной, но заставить распуститься один цветок для меня не проблема.

Ло Шичжэнь всё понял и снова поблагодарил его, а затем собрался проводить к Чу Сяо.

— Не нужно, — остановил его Лу Цюцзинь. — Я пришёл к тебе. Жун Няня заперли в карцере, ты с Сяо Шанем здесь, а мне одному в общежитии скучно.

На его лице появилось просительное выражение.

— Можно я тоже останусь здесь на ночь?

Сяо Шань опешил.

— Ты с ума сошёл?

Лу Цюцзинь проигнорировал его, не сводя взгляда с Ло Шичжэня.

— К тому же, я как раз читал о случаях, похожих на тот, что с Чу Сяо. Ему сейчас нужно адаптироваться к энергии Ци. Присутствие других Пробуждённых ускорит этот процесс и поможет ему быстрее восстановиться.

Глаза Ло Шичжэня загорелись. Он уже готов был согласиться, но вспомнил, что они в лазарете.

— Если вы оба останетесь, в нашей комнате никого не будет. Врачи разрешат?

Лу Цюцзинь невозмутимо достал медицинскую карту.

— Они уже разрешили. Я как раз собирался подлечить здесь старую травму.

— Хорошо, тогда я помогу вам перенести кровати!

Все сомнения отпали. Мысль о том, что Чу Сяо скоро поправится, наполнила его радостью.

— Вам поставить кровати рядом? — спросил он. — Будет почти как в общежитии.

Ло Шичжэнь был самокритичен. Он только недавно перевёлся, вряд ли Лу Цюцзинь пришёл ради него. Наверное, он хотел побыть рядом со своим старшим братом.

— Вы ведь так хорошо ладите, — с радостью добавил он. — Вам будет лучше вместе.

Безупречная улыбка Лу Цюцзиня на мгновение застыла.

— Н-нет, не нужно.

Сяо Шань тоже скорчил гримасу отвращения. Он до сих пор не понимал, что нашло на Лу Цюцзиня и зачем ему понадобилось ночевать в лазарете. Но сейчас всё его внимание было сосредоточено на Чу Сяо, и разбираться в чужих странностях было некогда.

Ло Шичжэнь же был счастлив. Он чувствовал, что наконец-то влился в коллектив. Он нашёл вазу, поставил в неё цветок, водрузил на тумбочку и с энтузиазмом принялся таскать кровати.

В итоге, этой ночью они расположились в следующем порядке: Лу Цюцзинь, Ло Шичжэнь, Сяо Шань. А посреди комнаты, на своей кровати, спал Чу Сяо.

Ло Шичжэнь, лежавший ближе всех к нему, то и дело вставал, чтобы проверить, нет ли у него жара. Только после полуночи он, измотанный, наконец уснул.

«Как хорошо», — подумал он перед сном. — «Завтра Чу Сяо проснётся и увидит, сколько людей о нём заботится. Ему будет приятно. Он ведь сказал, что смирился с тем, что мы со Старшим братом друзья. А теперь Старший брат сам пришёл помочь ему. Старший брат такой хороший, Чу Сяо наверняка будет тронут».

В час ночи Сяо Шань встал, бросил злобный взгляд на кровать Чу Сяо, но, боясь разбудить Ло Шичжэня, лёг обратно и с головой укрылся одеялом.

В два часа ночи Лу Цюцзинь перевернулся на другой бок. Острое зрение Пробуждённого позволило ему разглядеть в темноте цветок в вазе, который Ло Шичжэнь так бережно поставил на тумбочку.

Всего лишь один цветок, а он радовался так, словно ему подарили дом.

Лу Цюцзинь холодно закрыл глаза. «В следующий раз подарю ему дом, — подумал он. — Может, эффект будет лучше».

Три часа ночи.

Мимо общежития промелькнула тень. Двое дежурных учителей, узнав нарушителя, вздохнули.

— Ну что за ребёнок, никакого покоя.

Общежитие «Юйхэн».

Жун Нянь, сбежавший из карцера, был в восторге. Ну и что, что его временно лишили способностей? Он всё ещё был силён, а его чувства — обострены.

Лишившись своих сил, он не мог определить местоположение Ло Шичжэня, но это не помешало ему, затаив дыхание, прокрасться к его кровати.

Сгорая от нетерпения, он нырнул под одеяло.

И обнаружил, что кровать пуста.

На его изящном лице отразилось недоумение.

Он вскочил и включил свет.

Огромная комната была пуста.

Жун Нянь остолбенел.

В ночной тишине, в звуконепроницаемой комнате, раздался его яростный крик:

— ГДЕ ОН?!

***